

Н. А. Дьячкова

ВКЛЮЧЕННЫЙ ПРЕДИКАТ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В языке существуют структурно простые, но семантически сложные предложения. В этих монопредикативных полипропозитивных предложениях содержится объем информации, изосемическим способом репрезентации которой является сложное предложение. Например: *Горькие вести гонцу не в радость* (посл.). (Ср.: *Если/когда вести горькие, то они гонцу не в радость*); *Чистая совесть есть постоянный праздник* (Сенека). (Ср.: *Если/когда совесть чистая, то она есть постоянный праздник*). Несоответствие между планом содержания и планом выражения позволяет квалифицировать данные конструкции как асимметричные. В них атрибутивный определитель в присубъектной позиции репрезентирует отдельную пропозицию, является включенным предикатом, который мотивирует основной предикат (отношения между основным предикатом и включенным могут быть эксплицированы с помощью союза *если...то*). Включенный предикат является обязательным компонентом семантической модели предложения, а сами конструкции – семантически осложненными простыми предложениями. Очевидно, однако, что любое качественное прилагательное в атрибутивной позиции, введенное в предложение, увеличивает количество пропозиций на одну, делает предложение семантически неэлементарным (см.: Прияткина, 1990, 128), поскольку является предикатным знаком (см.: Богданов, 1977), «снятым», «погашенным» предикатом (см.: Черемисина, 1987, 18). Однако есть существенное различие между просто включенным предикатом и включенным предикатом, осложняющим смысловую структуру предложения. Не всякое качественно-характеризующее прилагательное в атрибутивной позиции приводит к семантическому осложнению предложения. Понятие семантически неэлементарного предложения (полипропозитивного) и семантически осложненного соотносятся как родовое с видовым: полипропозитивное предложение может быть семантически осложненным и семантически неосложненным. В одном случае атрибут осложняет предложение вширь, в другом – вглубь. В первом случае определитель является модельно факультативным, во втором – модельно обязательным. Об осложнении вширь можно говорить лишь в том случае, если между основной пропозицией и пропозицией, репрезентируемой атрибутом, устанавливаются отношения конъюнкции (т. н. «и-отношения»). Определитель в этом случае не является обязательным компонентом

семантической модели предложения. Если же между названными пропозициями устанавливаются отношения импликации, происходит осложнение вглубь. Атрибутивный определитель является обязательным компонентом семантической модели, так как он участвует в ее формировании. Сравним два предложения: (1) *Красивая женщина вошла в комнату*; (2) *Красивая женщина опасна*. Оба они являются полипропозитивными, функция атрибутивного определителя в обоих случаях – репрезентировать включенную пропозицию, однако их роль в формировании семантической модели предложения различна. Полипропозитивные предложения с присубъектным атрибутом могут быть результатом одного из двух деривационных процессов – контаминации и компрессии. По мнению Л. Н. Мурзина, контаминация есть такое слияние двух предложений, при котором одно из заданных предложений оказывается в позиции другого (ср.: *Плотники строят дом* + *Дом новый* = *Плотники строят новый дом*). В результате компрессии объем предложения уменьшается, а прежняя информация сохраняется (ср.: *Плотники строят дом* – *Строят дом*) (см.: Мурзин, 1984, 27). По мнению О. А. Москальской, суть компрессии состоит в том, что за счет свернутых пропозиций в предложение включается одна или несколько предикатных линий, что влечет за собой осложнение синтаксической структуры и увеличение его глубины (см.: Москальская, 1980, 52).

Возвращаясь к нашим примерам, напомним, что оба предложения полипропозитивны, однако в (1) обе пропозиции находятся в отношениях конъюнкции. Ср.: *Женщина вошла в комнату* + *Женщина красивая*, а в (2) – в отношениях импликации. Ср.: *Если женщина красива, то она опасна*. Атрибутивный определитель в позиции при субъекте (грамматическом или семантическом) является результатом компрессии придаточного предложения со значением обусловленности.

Если под семантическим осложнением понимать ситуацию, когда в рамках монопредикативного предложения выражено грамматическое значение сложного предложения, а грамматическим значением сложного предложения, в свою очередь, считать номинацию отношений между событиями/ситуациями/положениями дел, то следует констатировать, что наличие одной только полипропозитивности не является показателем семантического осложнения предложения. Иными словами, пример (1) – это полипропозитивное, но не семантически осложненное предложение, так как в нем (об этом уже было сказано) две пропозиции находятся в отношениях конъюнкции. Конъюнкция же не является прерогативой сложного предложения. Не случайно некоторые исследователи настаивают на том, чтобы вывести сложносочиненные предложения за рамки сложного предложения, поскольку, по их мнению, части, составляющие сложносочиненные предложения, не интегрируются, а лишь соединяются друг с другом (см., например: Кручинина, 1973, 113; Распопов, 1979, 45).

В теории сложного предложения существует идея о том, что степень «сложности» сложного предложения может быть различной: есть истинно сложные предложения, «канонически» сложные: например, сложноподчиненное предложение с семантическим союзом *потому что*; каким бы нелепым ни было лексическое наполнение предикативных единиц в сложноподчиненном предложении с *потому что*, предложение будет выражать отношения причины благодаря сильному семантическому союзу. Ср.: *Стены были зеленые, потому что столы были круглые* (пример, приведенный

М. И. Черемисиной на одной из лекций). Есть «менее сложные» сложные предложения: например, сложноподчиненные предложения с асемантическими союзами, в которых, помимо союза, большую роль в формировании грамматического значения играет фактор лексического наполнения предикативных частей – ср. местоименно-соотносительные и изъяснительные предложения с союзом *что*, который является лишь формальной скрепой и не участвует в формировании смысловых отношений, иначе говоря, союз является показателем связи, но не каузатором отношений. Еще менее сложными являются, например, сложносочиненные предложения, а среди последних сложносочиненные предложения открытой структуры с неодноместным союзом *и...и*. Сторонники этой точки зрения считают, что наличие одной только полипредикативности еще не является показателем «истинной сложности» сложного предложения, обязательно должен быть показатель связи между предикативными единицами, каузатор отношений между ними и, как следствие этого, грамматическое значение сложного предложения – номинация отношений между событиями (см. об этом: Черемисина, Колосова, 1987, 79; Дьячкова, 1989). С этой точки зрения, понятно, почему сложносочиненные предложения с союзом *и...и* ряд исследователей исключает из состава сложных предложений: в них наличествует только фактор полипредикативности, а отношения перечисления, которые в них репрезентированы (*И поля цветут, и сады шумят, и лежат в земле груды золота...*), не являются грамматическим значением сложного предложения – они могут быть выражены и на уровне перечислительного ряда однородных членов предложения (см., например: Белошапкова, 1977, 209; Левицкий, 1980, 21; Шведова, 1969, 321 и др.). Весьма убедительно, на наш взгляд, эта идея сформулирована В. Г. Валимовой: «При перечислении явления только называются, связи между ними не устанавливаются, а без синтаксических отношений не может быть цельности единицы, того, что называется сложным предложением» (Валимова, 1975, 186).

Экскурс в теорию сложного предложения понадобился нам для того, чтобы сопоставить роль полипредикативности в организации сложного предложения с ролью полипропозитивности в организации семантически осложненного простого предложения. Подобно тому как наличие одной только полипредикативности не является показателем «истинной сложности» сложного предложения, наличие в монопредикативном предложении одной только полипропозитивности еще не является показателем его семантической осложненности.

Вернемся к примерам (1), (2). Как было показано выше, в примере (1) есть полипропозитивность, но нет семантического осложнения (отношения конъюнкции), в примере (2) есть полипропозитивность и есть семантическое осложнение, так как в простом предложении представлено грамматическое значение сложного (отношения импликации): *Если/когда женщина красива, она опасна*. Однако в отношении (1) нам могут указать на возможность его трансформации в сложноподчиненное предложение (ср.: *У окна села женщина, которая была красива; Женщина, которая была красивой, села у окна; Женщина, которая села у окна, была красивой*), а значит, и на возможность усмотрения в нем грамматического значения сложного предложения. На самом деле у сложноподчиненных предложений с придаточными определительными (присубстантивными) есть специфика, которая дает основание усомниться в их «истинной сложности».

Приведенный пример – это распространительное присубстантивное сложноподчиненное предложение. Для сложного предложения этого типа характерным является необязательность связи между главной и придаточной предикативными единицами (см. об этом: Белошапкина, 1977, 29). По ряду признаков распространительная связь сближается со связью сочинительной. Ср. со сложносочиненными предложениями с соединительно-распространительными отношениями, которые легко преобразуются в сложноподчиненные с придаточными присубстантивными, распространяющими содержание главной части, например: *Старики и старухи жили в Выселках очень подолгу и были все высокие и белые, как лунь* (Бунин) = *Старики и старухи, которые были высокие и белые, как лунь, жили в Выселках очень подолгу*.

Очевидно, таким образом, что способность предложения (1) преобразовываться в сложноподчиненное предложение с придаточным определительным еще не является показателем его способности к выражению грамматического значения сложного предложения, как и в целом способность к преобразованию какого-либо компонента простого предложения в самостоятельную предикативную единицу не является показателем семантической неэлементарности этого простого предложения. Преобразовать в самостоятельную предикативную единицу в принципе можно все, даже именное словосочетание. Ср.: *Ножка стола* → *У стола есть ножка*. Однако в этом случае «различение элементарных и неэлементарных предложений теряет смысл» (см. об этом: Прияткина, 1990, 120). Развертывание типа *Я ем пирог* в предложение *Я ем то, что называется пирогом* – «это эмфатическое развертывание простых базовых форм, а не показатель семантического осложнения» (см. об этом: Черемисина, Колосова, 1987, 29).

Конструкции типа (2) представляют собой компрессию условных сложноподчиненных предложений с нелокализованными во времени положениями дел. В подтверждение сказанного проследим за процессом свертывания условного сложноподчиненного предложения в простое: *Если человек кичлив и не переспросит у мудреца непонятное для себя место, или, если он беспечен и, переступив порог, тут же забудет услышанное, то он никогда не усвоит мудрые слова* (Абай) → *Кичливый, беспечный, нелюбознательный, ленивый человек никогда не усвоит мудрые слова*. Компрессия повлекла за собой редукцию одной предикативной единицы, она претерпела процесс номинализации: *если человек кичлив* = *кичливый человек*, *если человек не переспросит...* = *нелюбознательный*, *если человек беспечен* = *беспечный* и т. д. Под номинализацией понимается «механизм преобразования предикативных структур в именные» (см.: Арутюнова, 1980, 347) для их функционирования «в составе синтаксических конструкций более высокого ранга» (см.: Черемисина, Колосова, 1987, 30). В результате номинализации исходная структура превращается в субъект или предикат нового предложения.

Не все условные конструкции способны к подобному свертыванию, потому что для большинства сложных предложений с условными придаточными характерна семантика гипотетичности. В анализируемых же простых предложениях с отношениями обусловленности между включенным и основным предикатом семантика гипотетичности исключается, такие предложения не могут быть гипотетичными в принципе. К компрессии способны лишь те условные конструкции, которые правильнее назвать

потенциально условными, они, как показано в исследованиях В. С. Храковского, «выражают неоднократную, частую, периодически повторяющуюся или регулярно воспроизводимую связь ситуаций в неопределенном временном плане» (Храковский, 1994, 130).

Таким образом, в конструкции (1) атрибутивный определитель является модельно факультативным, в конструкции (2) – модельно обязательным компонентом (ср. невозможность элиминации атрибута: * *Женщина опасна*).

Употребляя термины «модельная обязательность», «модельная факультативность», мы имеем в виду понятие семантической модели и степень значимости атрибутивного определителя для ее формирования. Здесь, на наш взгляд, необходимо оговорить и некоторые другие смежные понятия: структурная обязательность/факультативность, структурная схема (модель) предложения. Под структурной схемой обычно понимают отвлеченный образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания предложения. Поскольку на практике бывает очень трудно решить вопрос о том, что есть минимум компонентов, необходимых для создания предложения, возникает вопрос о структурном минимуме предложения и о так называемых минимальных и расширенных структурных схемах (см.: Белошапкова, 1997, 720).

Как известно, существует два понимания структурного минимума предложения. Соответственно первому, в структурную схему вводятся лишь те компоненты предложения, которые образуют его предикативный минимум, то есть, по сути, подлежащее + сказуемое или главный член односоставного предложения. Исключаются все присловные распространители, в том числе и обязательные предсказуемые, без которых предложение не может быть самодостаточной единицей (см.: Белошапкова, 1997, 718). В соответствии со вторым пониманием структурного минимума, обращенного «не только к формальной организации предложения как предикативной единицы, но и к смысловой его организации как номинативной единицы», в структурную схему включаются все присловные распространители, без которых предложение оказывается непригодным «к выполнению номинативной функции» (Там же). Таким образом, выделяют минимальные и расширенные структурные схемы предложений. Определение при этом не входит ни в расширенную, ни тем более в минимальную структурную схему (Там же, 794). Вопрос об обязательности/факультативности тех или иных второстепенных членов предложения не поддается непротиворечивой интерпретации, если пытаться решать его в рамках структурного синтаксиса. Необходимо обращение к другому уровню – семантическому и введение понятия семантическая модель предложения. Как известно, предложения, имеющие одну и ту же формальную модель (структурную схему), могут иметь разные семантические модели. И наоборот, одна и та же семантическая модель может быть репрезентирована различными формальными средствами.

Некоторые синтаксисты считают, что обобщенное типовое содержание предложения есть не что иное, как обобщенное типовое содержание его структурной схемы (семантика предложения есть семантика его схемы) (см об этом: Белошапкова, 1977, 116 и др.). Это так называемая формально-синтаксическая концепция семантической структуры предложения.

Однако более убедительной представляется точка зрения тех исследователей, которые считают, что моделирование смысла предложения с опо-

рой на структурную схему отражает только поверхностно-синтаксическую структуру предложения. Схема не является фактором, определяющим семантику предложения, она лишь одно из слагаемых значения предложения (см.: Богданов, 1982, 19 и др.).

Подлинную структуру смысла, его глубинно-синтаксический уровень отражает семантическая модель. Выявление семантической модели связано с известными трудностями, поскольку она отражает глубинный, ненаблюдаемый непосредственно уровень. Нужны специальные приемы, которые позволяли бы исследователю выявить глубинную структуру. «Под глубинной структурой следует понимать способ организации его смысла» (Богданов, 1975, 6). Термины «глубинная структура», «семантическая структура» являются терминами-спутниками, они именуют один и тот же сигнификат, который может быть эксплицирован при помощи семантической модели. Главными «инструментами», с помощью которых можно произвести названную экспликацию, являются интуиция исследователя, данные грамматики и лексикографических источников, а также приемы, которыми располагает синтаксическая дериватология: трансформация, элиминация, субституция.

Существуют различные подходы к семантическому моделированию предложения. В ряде работ содержатся подробные очерки, освещающие разнообразные способы представления семантической структуры. Наиболее подробный очерк современных концепций смысловой структуры предложения представлен в работе В. В. Богданова, где анализируются формально-синтаксическая, субъектно-предикатная, предикатно-аргументная, концептуальная и некоторые другие концепции смысла предложения (см.: Богданов, 1982, 23–33).

Мы разделяем точку зрения автора данной работы, согласно которой, наиболее оптимальной является предикатно-аргументная концепция семантики предложения, поскольку «в ней учитывается как логическая основа смысла предложения, так и языковые способы его выражения» (Там же, 30). По мнению автора, «понятие глубинной структуры, сформулированное в терминах предикатно-аргументных отношений, дает лингвистике ту основу, на которой, собственно, только и может строиться изучение семантики предложения, ибо глубинная структура – это результат попытки сделать явным то, что принципиально ненаблюдаемо, а именно смысл предложения» (Богданов, 1975, 14). Мы согласны также и с тем, что при изучении семантики предложения «значительные трудности может создавать синтаксис, который способен дезориентировать исследователя» (Богданов, 1982, 32). Автор считает возможным говорить об «искажающем влиянии синтаксиса при изучении семантики предложения». Подтверждением сказанному может служить следующий пример автора: *Девушка задумчиво гуляла в саду*. Известно, пишет автор, что наречия подчиняются глаголу, однако эта синтаксическая зависимость не всегда равна семантической. В приведенном предложении наречие *задумчиво* синтаксически относится к глаголу, а семантически к имени (см.: Там же, 33). Если транспонировать высказанное соображение на материал нашей статьи, то можно заметить, что в примерах типа *Красивая женщина опасна* атрибут *красивая* синтаксически связан с именем *женщина*, а семантически с предикатом *опасна* (ср.: *опасна, потому что красивая*), атрибут является здесь своеобразным детерминантом, определяющим семантику всего предложения. Семанти-

ческая связь пересиливает синтаксическую: синтаксически факультативное определение *красивая* является обязательным компонентом семантической структуры предложения. Модель описываемых в данной статье предложений на поверхностном уровне имеет следующее прочтение: $S - P$ (субъект – предикат характеризации), на глубинном: *Если $S - P1$, то $S - P$* (если субъект обладает свойством $P1$, то этот субъект обладает свойством P), где S – субъект, P – предикат.

Укажем на точку зрения Г. А. Золотовой, согласно которой простые предложения, в которых есть усложнение смысловой структуры (типа *И ускоряя ровный бег, / Как бы в предчувствии погони, / Сквозь мелко падающий снег / Под синей сеткой мчатся кони*), следует интерпретировать как полипредикативные на том основании, что в них представлено несколько значений модальности, темпоральности, персональности. Эти категории, составляющие основу предикативности, по мнению автора, могут быть выражены не только глаголом-сказуемым, но и другими членами предложения, и только наше «привычное морфологизованное (разрядка наша. – Н. Д.) восприятие мешает увидеть, что у единицы плана содержания должен быть и план выражения» (Золотова, 1995, 102).

Следуя этой логике рассуждений, мы могли бы сказать, что только привычное синтаксически ориентированное восприятие побуждает исследователя негативно оценивать роль определения в формировании семантической структуры предложения. Именно этого взгляда придерживается большинство синтаксистов (см., например: Белошапкова, 1997, 794; Касевич, 1988, 105; Кацнельсон, 1972, 158 и др.) Показательна в этом отношении следующая цитата: «определения и обстоятельства, входящие в состав распространенного предложения, не обладают и долей самостоятельности как в формально-грамматическом отношении, так и в смысловом (здесь и далее в цитате разрядка наша. – Н. Д.) (их значение полностью “поглощается” значением определяемого слова), а поэтому, в отличие от дополнения, они не могут претендовать на роль таких компонентов, которые могли бы внести существенные изменения в самую структуру предложения» (Кротевич, 1955, 16). Кажется очевидным, что предложения с определителем в присубъектной позиции, которые не поддаются элиминации, опровергают эту точку зрения. В предложениях типа *Осенняя муха злее кусает; Сырая вода вызывает заболевания* (ср.: **Муха злее кусает; *Вода вызывает заболевания*) определение является включенным предикатом, обязательным компонентом семантической модели предложения, а сами предложения – семантически осложненными.

Арутюнова Н. Д. Сокровенная связка (проблема предикативного отношения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39, № 4. С. 347–358.

Белошапкова В. А. Синтаксис // Современный русский язык. М., 1997. С. 606–869.

Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.

Богданов В. В. Семантико– синтаксическая организация предложения. Л., 1977.

Богданов В. В. Концепция глубинной структуры в современной лингвистической семантике (глубинная структура – фикция или реальность?) // Вопр. лингвист. семантики. Тула, 1975. С. 5–15.

Богданов В. В. О перспективах изучения семантики предложения // Синтаксическая семантика и прагматика. Калинин, 1982. С. 22–38.

Валимова Г. В. Сложное предложение и сочетание предложений // Теорет. проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 183–190.

- Дьячкова Н. А. Полипредикативные разделительные конструкции с союзом «то...то» в современном русском языке и их функционирование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
- Золотова Г. А. Монопредикативность и полипропозитивность в русском синтаксисе // *Вопр. языкознания*. 1995. № 2. С. 99–109.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кротевич Е. В. Предложение непространственное и распространенное // *Вопросы языкознания*. Львов, 1955. С. 3–19.
- Кручинина И. Н. Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения // *Вопр. языкознания*. 1973. № 2. С. 111–119.
- Левицкий Ю. А. Проблемы сочинения. Пермь, 1980.
- Москальская О. И. Аранжировка предложений в тексте и проблема подчинения // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1980. Т. 39, вып. 6. С. 521–530.
- Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Пермь, 1984.
- Пряткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. М., 1990.
- Распопов И. П. Дихотомическая классификация так называемых сложноподчиненных предложений // *Науч. докл. высш. шк. Филол. науки*. 1979. № 6. С. 44–50.
- Храковский В. С. Условные конструкции: взаимодействие кондициональных и темпоральных значений // *Вопр. языкознания*. 1994. № 6. С. 129–139.
- Черемисина М. И. Сложное предложение как объект общего языкознания // *Предикативность и полипредикативность*. Челябинск, 1987. С. 5–19.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
- Шведова Н. Ю. О структурной схеме сложного предложения // *Единицы разных уровней языка и их взаимодействие*. М., 1969. С. 319–322.

И. Н. Борисова

РЕЖИМЫ ДИАЛОГОВЕДѢНИЯ И ДИНАМИЧЕСКИЕ ТИПЫ РАЗГОВОРНОГО ДИАЛОГА

Мена коммуникативных ролей говорящего и слушающего признается базовым механизмом структурирования диалогического взаимодействия, обеспечивающим «коммуникативное соавторство» (см.: Винокур, 1993) в диалоге. Обычно частота мены коммуникативных ролей кладется в основу разграничения монологической и диалогической форм речи: нулевая частота мены говорящих – монолог, ненулевая (относительно малая/редкая или относительно большая/частая) – диалог. Однако показатель сменяемости коммуникативных ролей не абсолютен, поскольку чистого монолога в контактном непосредственном общении практически не бывает. Более объективным критерием разграничения структурно-композиционных форм речи (в условиях диалогического взаимодействия) является синтагменный ритм мены коммуникативных ролей, дающий представление об организации диалогического речевого продукта и объеме речевого вклада участников в развитие диалога. Т. В. Матвеева рассматривает синтагменный ритм как жанрообразующий (т. е. струк-

